

КОРЕЙСКИЙ ШАМАНИЗМ В ПЕРИОД ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Войтеховская Марта Александровна,

Белорусский государственный университет (г. Минск; Беларусь)

Рассматриваются особенности корейского шаманизма в период японской оккупации, а также изменения, которым он подвергся.

На протяжении колониального периода политика Японской империи в отношении Кореи менялась, однако одним из главных способов контроля над жизнью корейских граждан всегда оставалось последовательное разрушение народных верований. В 1910 году, когда Корея перешла под управление Японии, еще не существовало отдельного закона по контролю над шаманизмом, однако уже в 1912 году был издан Указ «О правилах применения наказаний в случае неподчинения полиции», в котором подробно описывались запрещаемые действия, такие как создание талисманов, «обманывающих людей», молитвы об удаче и выздоровлении больного, совершение жертвоприношений духам, введение человека в состояние гипноза и так далее, при совершении которых предполагалось наказание в виде штрафа или нахождение под

стражей от 1 до 30 дней. Такие меры позволили Японии узаконить контроль над народными верованиями [6, с. 536].

Особо поощрялось вступление корейцев в японские патриотические организации и обращение в синтоизм, поскольку он был государственной религией Японии. С 1935 года колониальные власти проводили целенаправленную политику по синтоизации Кореи: всем учащимся было предписано посещать синтоистские церемонии. В Корею были построены синтоистские святилища, наиболее значимым из которых было Корейское синтоистское святилище в Кёнсоне (京城). В корейских святилищах помимо корейских божеств почитались японская богиня солнца Аматэрасу и император Мэйдзи. Позже к ним добавились императрица Дзингу и сёгун Тоётоми Хидзёси. К концу колониального правления в Корею насчитывалось 82 синтоистских храма и 913 синтоистских святилищ [1; 2].

Япония также проводила исследования корейских обычаев и верований, однако ставила целью доказать превосходство японской нации. В опубликованном докладе о результатах исследования японского генерал-губернаторства были представлены случаи негативного влияния шаманизма, а также их подробный анализ, тем самым прямо и косвенно указывалось на необходимость уничтожения суеверий. Такая позиция печати формировала не только негативное отношение к шаманизму, но также частично выступала в негативном свете традиционные обряды, являющиеся неотъемлемой частью повседневной жизни корейского народа, и обесценивала корейскую культуру [6, с. 4]. Однако, несмотря на все попытки уничтожить шаманизм, по оценкам колониального правительства за 100 лет количество шаманов увеличилось с 10.000 до 12.380 [4, с. 30].

В течение почти всего колониального периода Кореи была широко распространена идея о том, что услуги шаманов являются бесполезной тратой денег. В одной из газет утверждалось, что в стране существует приблизительно 18.000 шаманов. Было подсчитано, что на деньги, которые были потрачены на услуги шаманов, можно было построить 4471 школу. Также в этой статье подчеркивалось, что население продолжает растрачиваться на шаманов, несмотря на нехватку риса. Рис считался богатством, а шаманы стали олицетворять дыру в бюджете, через которую это богатство утекало [4, с. 112]. В связи с началом японо-китайской войны в 1937 году из-за необходимости снабжать японскую армию корейское население столкнулось с острой нехваткой продовольствия [3, с. 242–243]. В таких условиях шаманы подверглись еще большей критике в печати, где представлялись бесполезным фатальным бременем для нации. Такая позиция еще больше подпитывала идею о том, что народ обрекает себя на голод, чтобы прокормить «жадных и эгоистичных шаманов» [4, с. 112]. Конечно, некоторым шаманам было официально разрешено осуществлять деятельность, поскольку они олицетворяли корейскую культуру, однако большинство из них продолжали работать под жестким контролем полиции, облагались штрафами, подвергались насилию и даже отбывали сроки в тюрьмах.

Однако не все представители корейского народа считали шаманизм пережитком прошлого и лишней тратой денег. Колониальное угнетение и попытки насильственной ассимиляции корейцев также стимулировали развитие идей о национальной идентичности жителей Страны утренней свежести и формирование нового взгляда на собственную историю и культуру. Так, в 1920-х годах вышел ряд публикаций, свидетельствующий о возросшем интересе к шаманизму. Корейский учёный Сон Чжинтхэ первым обратил внимание на шаманские песни, которые он начал собирать по всей стране, а позже опубликовал в сборнике «Коллекция сохранившихся божественных песен Кореи» (조선신가유편, 朝鮮神歌遺篇) [5, с. 10]. Также нельзя не упомянуть Чхве Намсона, наиболее известного своими трудами по истории. Одной из центральных его идей является концепция о том, что Корея всегда была центром восточной ци-

визации, а не её периферией. В своей книге «Трактат о Тангуне» (단군론, 檀君論), Чхве Намсон говорит, что Корея превосходила Японию и Китай. Также, именно благодаря ему статус Тангуна, легендарного основателя Древнего Чосона, значительно возрос. Чхве Намсон утверждал, что история Тангуна отражает шаманскую религию древней Кореи, а сам Тангун восходит к действительно существовавшему правителю-шаману, который жил в древние времена [5, с. 6].

В противовес японским ученым, целью которых было обоснование связей японцев и корейцев, Чхве Намсон стремился доказать, что корейцы не так тесно связаны с японцами. В этом отношении понятие шаманизма, а также связь корейского шаманизма не с Японией, а с Северо-Восточной Азией и Сибирью было очень полезно, особенно учитывая тот факт, что в то время японские учёные отрицали существование шаманизма у себя на родине. Таким образом, в ответ на японскую оккупацию формируется более позитивный взгляд на шаманизм, возникающий на фоне устоявшегося негативного отношения к шаманизму как к глупому суевию.

Таким образом, в течение колониального периода японцами предпринимались попытки притеснения шаманизма с целью идеологического подавления духовных ценностей корейского народа. Эти планы, тем не менее, провалились и даже явились стимулом к возрождению у корейцев интереса к традиционным верованиям и обычаям. Колониальное угнетение и попытки насильственной ассимиляции корейцев также стимулировали развитие идей о национальной идентичности жителей Страны утренней свежести и формирование нового взгляда на собственную историю и культуру, в результате чего на фоне устоявшегося негативного отношения к шаманизму формируется новый положительный взгляд на народные верования.

Литература

1. Корея под властью Японии // Википедия [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корея_под_властью_Японии. – Дата доступа: 27.10.2017.
2. Корейское синтоистское святилище // Академик [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1309729>. – Дата доступа: 29.10.2017.
3. Курбанов, С.О. История Кореи с древности до начала XXI века / С.О. Курбанов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. – 680 с.
4. The Mudang: Colonial Legacies of Korean Shamanism // Academia [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://www.academia.edu/8584174/The_Mudang_Colonial_Legacies_of_Korean_Shamanism. – Дата доступа: 27.10.2017.
5. Walraven, B. Our Shamanistic Past: The Korean Government, Shamans and Shamanism // B. Walraven // The Copenhagen Journal of Asian Studies. – 1993. –Vol. 8, I. – P. 5-25.
6. 김, 희영. 무리아마 지존이 본 전남의 무격신앙 / 희영 김 // 전남대학교 호남학연구원. – 2011. – 15 p.